

Язык в философии М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна в контексте осмысления Интернета

А. В. Попова

Мурманский арктический государственный университет, Мурманск, Россия

В статье осмысливается феномен Интернета посредством философских размышлений М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна о языке. Предполагается, что сосредоточение внимания на языке позволит проследить прямое влияние Интернета на повседневную жизнь человека. Интернет является тем современным феноменом, который относится к тому, что Хайдеггер называл толками (*das Gerede*), которые авторитарно подавляют все иные формы речи и, следовательно, элиминируют возможность аутентичного существования. Толки, которые формируют некую среднюю понятливость, можно соотнести с понятием «языковых игр» Витгенштейна, так как языковые игры всегда разделяются неким сообществом людей и не позволяют человеку взаимодействовать с вещами напрямую. Человек напрямую сталкивается с проблемой собственного бытия в ситуациях вне толков и языковых игр, однако такие ситуации характеризуются встречей человека с ужасом и абсурдом. Поэтому Интернет как форма толков предлагает человеку возможность «забыться в мире». Через обучение языку человек неосознанно приобщается к способу взаимодействия с вещами: у Хайдеггера это зафиксировано в разделении подручного мира и мира объектов. Язык описания объектов и язык, которым можно выразить подручное, неизбежно должны различаться. Эти два языка можно соотнести со знанием внешних и внутренних свойств объекта у Витгенштейна. Человек описывает Интернет всегда в рамках той языковой системы, в которую он уже заранее попал. «Объективный» научный язык описания Интернета представляет его через понятие «сеть», тогда как само это понятие попало в социальные науки благодаря распространению Интернета. В бытовом обиходе Интернет, с одной стороны, понимается как пространство, с другой стороны, в русском языке к нему не применяются никакие пространственные характеристики. Таким образом, Интернет оказывается ускользающим феноменом и для языка описания объектов, и как нечто подручное.

Ключевые слова: философия Интернета, философия языка, толки, языковые игры, подручное.

В современной ситуации человек оказывается в параметрах новой исторической повседневности, окружённый техникой и неразрывно связанный с сетью Интернет. Если книгопечатание, по мысли ряда крупных исследователей [Андерсон, 2016], глубоко изменило облик Европы, то Интернет, как ещё более глобальная и всепроникающая структура, вызывает гораздо более радикальные перемены. Проблема в том, что Интернет не существует где-то вдали от исследователя и мыслителя: человек оказывается встроен в него. Интернет и вся техническая инфраструктура, которая предоставляет к нему доступ — это то ближайшее, что повсеместно окружает человека в его повседневности. Нельзя отрицать, что за кратчайший по историческим меркам период, Интернет поменял привычное взаимодействие человека с миром, людьми, техникой и с самими собой.

Если Интернет оказывает грандиозное влияние на повседневную жизнь человека, то представляется возможным отследить такое его влияние, сосредоточиваясь на языке. Язык есть то, в чём человек всегда уже находится: вне языка человека нет. Связь Интернета и языка бросается в глаза

даже при первом рассмотрении: дело не только в том, что Интернет был изначально текстовой сетью и ещё ранее задумывался как глобальный каталог гиперссылок, но и в том, что Интернет базируется не столько на технике, сколько на языке. Поэтому невозможно понимание Интернета без осмысления его связи с языком вообще.

Обращение к Хайдеггеру и Витгенштейну обусловлено тем, что оба мыслителя являются одними из наиболее ярких фигур философии XX в., обращавшимися к языку. При этом ряд их позиций, выстроенных ими в совершенно разных контекстах, представляются глубинно очень схожими. Важно и то, что к таким мыслям Хайдеггер и Витгенштейн пришли независимо друг от друга: такую схожесть нельзя объяснить только общими историческими условиями или интеллектуальной средой того времени.

Хайдеггер рассматривает язык онтологически: бытие осуществляется, присутствует через язык, тогда как человек является «пастухом бытия», который вслушивается в его зов. В понимании мыслителя язык не «отражает» мир вещей. Но мир всегда нам дан через язык. Хайдеггер пишет,

что люди «встроены» в язык и не имеют возможности из него выйти: они не могут рассмотреть язык со стороны, так как всегда уже находятся внутри него [Хайдеггер, 1993, с. 272]. По мысли Хайдеггера, ни техника, ни среда не влияют на изменение языка: напротив, сам язык изменяется в связи с изменением «существа истины» [Хайдеггер, 1993, с. 272], вызывая преобразование человека, среды и техники. И в этом смысле язык не является «слепком» всего сущего и не отсылает человека к вещам напрямую. Поэтому грамматика и предикативная логика не имеют к сущности языка прямого отношения.

Здесь стоит отметить, что для Хайдеггера в поздний период его творчества существуют подлинный и неподлинный языки. Подлинный язык — бытийный язык мифа и поэзии, передающийся через не прямые сообщения, намёки, жесты. Именно такой язык можно назвать в полной мере «естественным языком» [Хайдеггер, 1993, с. 272]. Под неподлинным («мёртвым») языком понимается формализованный и информативный язык прямых сообщений, в котором слова прямо отсылают человека к вещам [Хайдеггер, 1993, с. 272]. Прозрачность и простота формализованного языка лишь кажутся таковыми: думается, что за ним стоит как раз та форма раскрытия потаённого, которую Хайдеггер называет «по-ставом». Ситуация «по-става» радикально меняет человека: он «униформируется, то есть конформируется в технически-исчисляющее существо, шаг за шагом утрачивая “естественный язык”» [Хайдеггер, 1993, с. 271].

При этом язык, по Хайдеггеру, вмещает в себя говорение, так как любое говорение всегда осуществляется в среде языка. Понятие говорение связывается Хайдеггером с феноменом **люди**. Так, он пишет, что «присутствие ближайшим образом и большей частью растворено в людях» [Хайдеггер, 1993, с. 167].

Язык уже таит в себе истолкованность понятности присутствия [Хайдеггер, 1993, с. 167], а истолкованность диктует возможности среднего понимания [Хайдеггер, 1993, с. 167]. Среднее понимание как раз и связано с феноменом **люди**, которые не столько понимают сущее, о котором речь, сколько просто слышат проговариваемое [Хайдеггер, 1993, с. 168]. Говорение значимо для **людей** потому, что их существование требует постоянного говорения. Причем, такое говорение характеризуется как «разносящая и вторящая речи». Важно, что у говорения нет бытийной связи с сущим. **Люди** подразумевают всегда то же самое потому, что все они понимают сказанное в той же самой усредненности [Хайдеггер, 1993, с. 168].

При этом феномен говорения постоянно растёт, расширяется и захватывает все большие и большие пространства для своей диктатуры. Говорение в целом носит авторитарный характер. Это означает, что рядом с говорением невозможно никакая иная форма речи, то есть невозможен подлинный «естественный» язык, язык мифа и поэзии. Говорение само порождает себя, и распространяется оно как крайне агрессивная форма: через такое проговаривание «изначальная нехватка почвы достигает полной беспочвенности» [Хайдеггер, 1993, с. 168]. Такой процесс «опустынивания» парализует дальнейший рост и любое созидание [Хайдеггер, 1993, с. 48]. «Опустынивание» связывается со всё ускоряющимся «изгнанием Мнемосины» [Хайдеггер, 1993, с. 48]. Мнемосина, думается, неизбежно связана с ἀλήθεια, истиной или «незабвенным». Поэты, охваченные музами, пьют именно из источника Мнемосины, открывая для себя познание начал [Гесиод, 2001]. Так что «опустынивание» — это не только процесс «изгнания» памяти и истины, но и окончательная утрата возможности приобщиться к ним. Феномен говорения обозначается Хайдеггером понятием толки (das Gerede). Толки неизбежно и всегда присущи людям: это единственная доступная для людей возможность речи. Таким образом, средняя понятливость перекрывает возможность вслушаться в «зов бытия» и прикоснуться к ἀλήθεια.

Во времена жизни Хайдеггера толки иллюстрировались как «литература», «газеты» и «публицистика»: как подмечает сам мыслитель, «проговариваемое питается прочитанным» [Хайдеггер, 1993, с. 168]. Стоит акцентировать внимание на том, что сегодня феноменом, наиболее ярко и мощно иллюстрирующим толки, является именно Интернет, а также социальные сети и социальные медиа, определяющиеся на его основе. Интернет представляется во многом пространством говорения и среднего понимания. Интернет в основном выступает площадкой для новостей, быстро сменяющихся трендов, мемов: в Интернете крайне стремительно происходит процесс устаревания.

Взяв за отправную точку мысль Хайдеггера о том, что толки очень агрессивны и авторитарны в захвате новых пространств, можно показать, что, агрессивность и авторитарность форм говорения людей постоянно возрастает, а значит избежать толков становится все сложнее.

В социальных сетях и медиа как раз и можно увидеть то, что Хайдеггер называл «властью говорения». Так, новостные ленты социальных медиа избавляют человека от задачи настоящего сущностного понимания и формируют некую

среднюю понятливость по любому вопросу. Новостные ленты не предполагают вдумчивости и не рассчитаны на нее, они являются простой информационной сводкой. То же касается и социальных сетей, в которых и происходит ни что иное как постоянное говорение: это и непрекращающаяся переписка ради переписки в чатах, комментирование, создающее «гул» людей. Важно, что этот гул не похож на рыночный гул, который сопровождал человека на протяжении всей его истории и тоже, безусловно, был связан с толками: гул в Интернете в отличии рыночного гула не прекращается ни на минуту. Если рынок имеет свойство быть ограниченным во времени и в пространстве, то Интернет — в этом отношении — практически безграничен. Чаты, социальные сети и медиа никогда не прерываются. Дело в том, что такой прерыв воспринимается как мгновенное впадение в скуку и отождествляется с выпадением из «потока жизни» [Miller]. Устаревание новости происходит так быстро, что требует быстро создавать инфоповоды: жениться, разводиться, провоцировать скандалы и т. д. Интернет подтверждает реальность идеи Хайдеггера и его прогноз относительно все более расширяющейся власти «толков».

В связи с вышесказанным следует обратиться к феномену любопытства, которое противопоставляется Хайдеггером спокойному и рассматривающему созерцанию. Любопытство как раз и характеризуется непокоем, постоянным возбуждением и непрекращающимся поиском новизны: «оно ищет нового только чтобы от него снова скакнуть к новому» [Хайдеггер, 1993, с. 172]. Феномен любопытства связан с рассеянием: любопытство — повсюду и нигде. Этот феномен особенно ярко можно увидеть в пространстве Интернета: он подтверждается существованием кликбейта, т. е. тенденцией к сокращению длительности текстов и видео, быстрым устареванием трендов.

Задачей любопытства и толков является не постижение сущего, но возможность забыть в мире. Любопытство как раз и позволяет человеку не пребывать при ближайшем. Как и толки, любопытство, которое также связано с этой средней понятливостью **людей**, становится таким способом бытия, который лишен «корней понятливости присутствия» [Хайдеггер, 1993, с. 170]. То есть человек, забываясь в мире с помощью любопытства и толков, оказывается оторван от бытия и не слышит его зова. Этот феномен не только подчеркивает особенное положение присутствия относительно бытия, но и также все больше захватывает присутствие. Присутствие, которое держится толков и любопытства, оказывается отсеченным от исходно-аутентичных связей с миром, с событием

и с самим бытием. Присутствие, таким образом, держится в некоем парении, и такое состояние характеризуется Хайдеггером как жуть зависания.

Жуть зависания проявляется в оторванности присутствия от своего умения быть и отчуждении от себя, в запутанности в себе и срыве в «ничтожество собственной повседневности». Повседневность присутствия как раз и проявляется в том, что оно теряет себя. Однако это — не та ситуация, в которую присутствие попадает случайно или насильственно. Наоборот, падение соблазнительно для присутствия, потому что соблазнительно бегство от самого себя. Вне толков в бытии обнажается ужас, в котором присутствию становится не по себе. Поэтому бегство в повседневность — в **люди** — является бегством человека от присутствия.

Тем не менее жуть и ужас могут вырвать человека из привычной повседневности, открыв ему понимание несобственности его бытия. Так, эксперимент журналиста Пола Миллера, отказавшегося от Интернета на год и опубликовавшего статью об этом опыте в 2013 году в журнале «The Verge», показал, что он продолжил «убивать время» в видеоиграх и других бесплодных, как он сам считает, занятиях [Miller]. Журналист, тем не менее, признался, что почувствовал себя выпавшим из «потока жизни» и пришёл к выводу, что «Интернет — это не индивидуальная гонка, это нечто, что мы делаем вместе, друг с другом. Интернет там, где люди» [Miller]. Думается, что такое точное замечание журналиста ещё раз раскрывает неразрывную связь Интернета и феномена толков, распространяющихся людьми. Без толков и людей человека может охватывать ужас несобственности его бытия, от которого он и сбегает.

Можно провести параллель между размышлениями Хайдеггера о «толках» и идеей «языковых игр» Витгенштейна. Согласно последней значению слова никогда не может быть определено однозначно, так как все зависит от контекста его использования. Так, существует множество контекстов, подкреплённых определёнными ситуациями и разделяемых неким сообществом людей. Человек изначально пребывает в параметрах определённой языковой игры. Особенность положения человека и в толках, и в языковых играх состоит в том, что он не может взаимодействовать с вещами и людьми напрямую. В терминологии Хайдеггера человек не может взаимодействовать с бытием: с ним он связан только опосредованно, через говорение.

Тем не менее возможны ситуации вне толков и языковых игр. Как было показано выше, из

власти толков человека может «выдернуть» ужас. В критических случаях это можно связать с положением, когда логика и язык «отказывают» человеку на какое-то время, в результате чего он оказывается лишен связности своих суждений и пребывает вне речевой практики, поясняющей происходящее. Также возможны ситуации внезапной перемены смысла, когда происходящее начинает восприниматься совсем не тем, чем выделось до этого. В размышлениях Витгенштейна о языковых играх такой ситуацией можно назвать обучение человека языковой игре, когда он еще в ней не находится: в таком случае обучающийся еще способен отчетливо видеть необычность, нелепость и неожиданность некоторых значений слов и их употреблений в данном контексте. Такой феномен также способен обыгрываться в литературе абсурда: одним из более ярких примеров здесь представляют собой пьесы Эжена Йонеско, в особенности, «Лысая певица».

Положение ситуации вне толков или языковых игр можно охарактеризовать несколькими особенностями. Так, в данных ситуациях между человеком и вещами самими по себе отсутствует такая буферная зона как люди, которая в повседневности обычно воспринимается в качестве незыблемого фона. Люди населяют мир «доброжелательным гулом» [Делёз, 1999]. Действительно, на самом деле человек не хочет видеть и слышать того, чего не видели и не слышали другие: в этих ситуациях, думается, его и охватывает ужас. Говорение же всегда происходит в людях также, как и языковая игра всегда связана с другим, ведь играть в одиночку не только абсурдно, но и страшно. Однако, оказавшись вне толков или языковых игр, человек не может разделить свое положение ни с кем. К тому же в ситуации вне толков или языковых игр не действуют никакие правила: даже этимологический смысл понятия «правила» как «установления»¹ [Шанский] оказывается связан с систематизацией, «вписыванием» в логическую схему или с выстраиванием некой иерархии. Но все перечисленное как раз и указывает на «сбой» привычного обитания человека в ситуации вне толков или языковых игр. Отсутствие правил связано с тем, что присутствие необходимо сталкивается с проблемой собственности или несобственности его бытия [Хайдеггер, 1993, с. 191], ведь человеку приходится выстраивать некие правила «с нуля». К тому же, если «толки» или «языковые игры» можно «передать» другим в процессе обучения, то в ситуации их отсутствия

такая передача невозможна, как невозможен и язык описания.

Язык передаётся через говорение, но передается не полностью, так как остаётся область возможного и несказанного. Поэтому огромное значение имеет молчание, или «звон тишины». Так, Хайдеггер пишет: «Мы слушаем язык таким образом, что даём ему сказать нам свой сказ... В речи как слушании языка мы говорим вслед услышанному сказу. Мы допускаем его беззвучному голосу прийти, вызывая уже имеющийся у нас наготове звук, зовя его достаточным образом к нему самому» [Хайдеггер, 1993, с. 266].

Через обучение языку человек одновременно и произвольно, и неосознанно усваивает способ взаимодействия с вещами. В этом смысле огромное значение имеет разделение мира подручного и мира объектов у Хайдеггера. Это разделение, думается, может помочь в понимании природы Интернета как одновременно объекта изучения и при этом нашего ближайшего подручного. Объект, или наличное, представляется как совокупность неких внешних свойств (цвета, веса, формы и т. д.), благодаря чему он может быть выделен или даже абстрагирован из контекста окружающего его мира. В отличие от объекта подручное неразрывно связано с окружающим миром и человеком, поэтому-то от него невозможно абстрагироваться. Подручное рассматривается как пригодное для неких действий, которые должны привести к определенным целям ради человеческого бытия [Хайдеггер, 2011]. Такая включенность подручного в целое — это способ его бытия, то есть внутреннее, а не внешнее свойство. Важно и то, что подручное всегда незаметно, трудно поддается осмыслению, так как ближайшее к нам всегда трудно осмыслить, к тому же его использование не является личным субъективным выбором, так как человек всегда уже находится в мире подручного [Хайдеггер, 2011].

Язык описания объектов и язык, через который можно выразить подручное, должны различаться. Язык описания объектов связан с обособлением объектов от мира и перечислением их внешних свойств, однако он не позволяет раскрывать сущность вещей. Последнюю можно рассматривать только в цельности мира, что представляется почти невыполнимой задачей, в частности, для языка науки. Позволяя раскрывать сущность вещи, «подлинный язык» не извлекает сущность из контекста, помещая ее в стерильную мыслительную лабораторию, но, наоборот, схватывает её через использование человеком в каком-либо деле, приводя к бытию вообще.

Средневековое представление о возможности увидеть мир «глазами Бога» [Фуллер, 2012], т. е.

¹ Шанский Н. М. Этимологический онлайн-словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/p/правило>.

«сверху», исторически связывалось с обращением к науке, когда предполагалось, что она станет ответом на стремление человека увидеть мир «таким, какой он есть». Хайдеггер отказывается от такой попытки, пытаясь — вместо этого — взглянуть в мир окружающих вещей, который находится на уровне глаз человека и под рукой человека.

Проводя параллель между Хайдеггером и Витгенштейном, можно отметить, что последний также придавал большое значение разнице между знанием внешних и внутренних свойств объекта [Борисов, 2009]. Если внешние свойства объекта понимаются ранним Витгенштейном как эмпирические факты, которые обозначаются в предложениях предикатами, то внутренние свойства не являются фактами и не описываются предложениями. В «Логико-философском трактате» Витгенштейн пишет следующее: «Если я знаю объект, то тем самым я знаю и все возможности его вхождения в атомарные факты. (Каждая такая возможность должна быть заложена в природе объекта). Невозможно задним числом найти новую возможность» [Витгенштейн, 2017, с. 2.0123]. И «чтобы знать объект, я должен знать хоть и не все его внешние, но все его внутренние качества» [Витгенштейн, 2017, с. 2.01231].

Таким образом, можно «знать объект» только по его внутренним свойствам, не зная его внешних свойств: цвета, веса, фактуры и т. д. Знание внутренних свойств очерчивает границу возможного вокруг объекта, позволяет составлять предположения уже о внешних свойствах. При этом знание внутренних свойств объекта всегда является полным: о возможностях объекта мы можем знать всё или ничего. Это связано с тем, что знание о возможном вхождении объекта в факты предполагает знание о том, в какие факты он войти не может. Поэтому, по меткому замечанию Е. В. Борисова, «для Витгенштейна существует не оппозиция возможное/действительное, но граница возможного, т. е. оппозиция возможное/невозможное...» [Борисов, 2009, с. 39]. В этом смысле «знать объект X означает знать, какие предложения с именем «X» являются осмысленными, а какие бессмысленными» [Борисов, 2009, с. 39]. Таким образом, объект представляет собой границу между возможным и невозможным, между осмысленными и бессмысленными предложениями, в которые он входит. При этом внутренние свойства, как было отмечено выше, никак не описываются предложениями: «они суть своего рода априорная характеристика предложений, повествующих о внешних свойствах» [Борисов, 2009, с. 39]. Знание о внутренних свойствах объ-

екта каким-то образом передаётся языком, но не прямо, а также не сообщается грамматикой или структурой языка. Поэтому любые попытки описания в языке внутренних свойств объекта оказываются безуспешными, так как, судя по всему, сам привычный язык не способен на это. Как отмечает сам Витгенштейн, «мои предложения поясняются тем фактом, что тот, кто меня понял, в конце концов уясняет их бессмысленность, если он поднялся с их помощью — на них — выше их (он должен, так сказать, отбросить лестницу, после того как взберётся по ней наверх)» [Витгенштейн, 2017, с. 6.54]. В этом контексте Е. В. Борисов акцентирует внимание на следующем: «едва ли случайно, что аналогичные трудности с языком испытывал и Хайдеггер, отмечавший, что для задач онтологии не хватает «не только слов, но и “грамматики”» [Борисов, 2009, с. 39].

Витгенштейн пишет: «Логика должна сама о себе заботиться <...>. В некотором смысле мы не можем делать ошибок в логике» [Витгенштейн, 2017, с. 5.473]. И добавляет: «Самоочевидность, о которой так много говорил Рассел, в логике может стать лишней только благодаря тому, что язык сам предотвращает каждую логическую ошибку. Априорность логики заключается в том, что нельзя нелогически мыслить» [Витгенштейн, 2017]. Таким образом, так как язык не позволяет нам мыслить нелогично, следовательно, он не может рассматриваться в субъективном ключе и не может представляться как отражение действительности.

В понимании позднего Витгенштейна единственным способом существования значения предложения является его употребление: значение появляется лишь тогда, когда мы являемся участниками языковой игры [Витгенштейн, 2018]. Он пишет, что «следование правилу — некая тактика» [Витгенштейн, 2018], следовательно, правило понимается нами только как участниками некоего события с использованием этого правила.

Если вещи схватываются нами только через язык, и, судя по всему, могут по-разному выражаться в разных языковых ситуациях, т. е. в разных «языковых играх», то возможно проследить, каким образом они представлены в той или иной ситуации в общем виде. Подчеркнем, что человек воспринимает Интернет, обращаясь к определённой языковой системе, в которую он всегда уже попал, но не изобрел её самостоятельно и субъективно. Научный или просто «объективный» язык описания Интернета предполагает его вычленение из контекста и изучение ряда его внешних свойств. Одновременно с объективным языком Интернет выявляется и подручное, которое

оказывается одним из средств нашей повседневной практики.

В качестве объекта изучения или использования Интернет описывается как «международная (всемирная) компьютерная сеть электронной связи, объединяющая региональные, национальные, локальные и другие сети», Интернет — это «всемирная (глобальная) система компьютерных сетей»¹, интегрированная сетевая система, состоящая из неоднородных коммуникативных сетей, объединенных между собой»², «глобальная компьютерная сеть, элементы которой связаны друг с другом посредством единого адресного пространства (чаще всего имеется в виду всемирная паутина и доступная в ней информация, а не сама физическая сеть)»³ и так далее. В таком описании авторы опираются на следующие понятия: «сети», «система сетей», «объединения сетей», «связь», «информация» и т. д. Как уже было отмечено выше, понимание Интернета нельзя вывести из термина «сеть», поскольку сам термин был привнесён в современный язык науки, включая социальные науки, именно благодаря развитию Интернета. Таким образом подобные определения создают своеобразную тавтологию, не предлагая существенных характеристик сети.

В бытовом обиходе часто встречаются выражения, в которых Интернет фигурирует в качестве пространства или вместилища информации. Также широко распространено выражение «виртуальное пространство», совместимое с понятиями «виртуальный мир» и выражение «виртуальная реальность».

В русском языке есть ряд наречий, которые используются по отношению к пространству: неподалёку, вблизи, рядом, вдали и т. п. [Столярова, 2015]. Причем различают две группы пространственных наречий: те, которые определяют пространство через говорящего, и те, которые характеризуют внешнее пространство по отношению к говорящему и исходят от вещей [Столярова, 2015]. Иначе говоря, так называемая «окрестность говорящего» отличается от так называемого «пространства вещей» или

¹ Большой энциклопедический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/139894>.

² Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). URL: https://methodological_terms.academic.ru/557/ИНТЕРНЕТ.

³ Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/интернет>.

«пространства объектов» [Столярова, 2015]. Если первые наречия связываются с физическим трехмерным и протяженным пространством, то вторые используются для характеристики «умозрительно-го пространства» [Столярова, 2015].

Интересен тот факт, что по отношению к Интернет-среде не применяются ни первый, ни второй типы наречий. Крайне редко можно услышать, что некий сайт в Интернете находится «далеко», или, наоборот, «поблизости». Если физическое пространство «окрестности говорящего» воспринимается горизонтально [Столярова 2015], то Интернет и содержащаяся в нем информация воспринимаются иначе. Можно отметить, что для интернет-среды используются пространственные наречия типа «вот», «тут» или «здесь», указывающее на происходящие в непосредственной близости действия или находящиеся рядом объекты. Причем, они должны быть в доступны к действию и готовы к обработке, то есть, должны находиться в некотором «актуальном состоянии». Можно было бы заметить, что язык ещё «не приспособился» к новой действительности, поэтому в бытовом языке и в словарях сущность Интернета не схватывается. Но ввиду всех вышеупомянутых размышлений подобные высказывания теряют смысл. Думается, что ускользание сущности Интернета происходит потому, что он стал ближайшим подручным, плотно и быстро войдя в повседневную жизнь человека так, что её уже невозможно представить без него. Ближайшее трудно исследовать и даже просто описывать: оно часто остаётся незамеченным.

Размышления Хайдеггера и Витгенштейна о сущности языка помогают глубже понять феномен Интернета. С одной стороны, Интернет предстает в качестве современной формы феномена толков, распространяющейся быстро и агрессивно, которая авторитарно подавляет все иные формы речи. Толки распространяются людьми и формируют некую среднюю понятливость, которая закрывает возможность вслушивания в «зов бытия». К тому же Интернет представляет человеку грандиозную возможность «забыться в мире». С другой стороны, мы не можем описать сущность Интернета не только с помощью научного языка, но и не можем схватить эту сущность в повседневной речи, так как Интернет стал для нас таким ближайшим, которое ускользает при попытке его понимания.

Список литературы

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества / Б. Андерсон. — М. : Кучково поле, 2016.
2. Борисов, Е. В. Прагматическая теория значения у Витгенштейна и Хайдеггера / Е. В. Борисов // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 320. — С. 38—44.

3. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. — М. : Канон, 2017.
4. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. — М. : АСТ, 2018.
5. Гесиод. Полное собрание текстов / Гесиод. — М. : Лабиринт, 2001.
6. Делёз, Ж. Мишель Турнье и мир без Другого / Ж. Делёз // М. Турнье. Пятница, или Тихоокеанский лимб. — Спб., 1999. — С. 282 — 302.
7. Столярова, В. В. Пространственные предлоги и наречия в русском языке: семантические различия / В. В. Столярова // Вестник Московского университета. — 2015. — № 1. — С. 208—218.
8. Фуллер, С. Природа как артефакт — и что значит быть человеческим существом / С. Фуллер // Онтологии артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира / ред. О. Е. Столярова. — М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2012. — С. 80—90.
9. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. — М. : Академ. проект, 2011.
10. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер. — М. : Республика, 1993.
11. Miller, P. I'm still here: back online after a year without the internet / P. Miller. — URL: <https://www.theverge.com/2013/5/1/4279674/im-still-here-back-online-after-a-year-without-the-internet>.

Сведения об авторе

Попова Александра Витальевна — соискатель ученой степени кандидата философских наук, Мурманский арктический государственный университет, Мурманск, Россия. aleksvitpopova@gmail.com

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 8 (454).
Philosophy Sciences. Iss. 61. Pp. 122—130.*

Language in the philosophy of Martin Heidegger and Ludwig Wittgenstein in the context of understanding the Internet

A.V. Popova

Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia. aleksvitpopova@gmail.com

The article comprehends the phenomenon of the Internet through the philosophical reflections of M. Heidegger and L. Wittgenstein about language. It is assumed that focusing on language will allow tracing the direct impact of the Internet on a person's daily life. It seems that the Internet is a modern phenomenon that belongs to what Heidegger called «das Gerede», which authoritarily suppresses all other forms of speech, and, therefore, eliminates the possibility of authentic existence. «Das Gerede» forms a kind of average understanding. «Das Gerede» can be related to the concept of Wittgenstein's "language games", since language games are always shared by a certain community of people and do not allow a person to interact with things directly. The person directly faces the challenge of his own being in situations beyond «das Gerede» and language games, but these situations are characterized by human encounter with horror and absurdity. Therefore, the Internet as a form of «das Gerede» also offers a tremendous opportunity to «get lost in the world». Through language learning, a person unconsciously learns how to interact with things: for example, in Heidegger's texts, the world of «das Zuhandene» is separated from the world of objects. The language for describing objects and the language that can be used to express «das Zuhandene» should be different. These two languages can be correlated with Wittgenstein's knowledge of the external and internal properties of an object. A person always describes the Internet within the framework of the language system into which he has already got into. The «objective» scientific language of describing the Internet represents it through the concept of «network», while this concept itself fell into the social sciences thanks to the spread of the Internet. In everyday language, the Internet, on the one hand, understood as a space, on the other hand is, it has not used any spatial characteristics. Thus, the Internet turns out to be an elusive phenomenon both for the language of object description and as «das Zuhandene».

Keywords: *philosophy of the Internet, philosophy of language, das Gerede, language games, das Zuhandene.*

References

1. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imaginary communities]. Moscow, Kuchkovo pole, 2016. (In Russ.).
2. Borisov E. V. Pragmaticheskaya teoriya znacheniya u Vitgenshtejna i Hajdeggera [Pragmatic theory of meaning in Wittgenstein and Heidegger]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2009, no. 320, pp. 38 — 44. (In Russ.).

3. Wittgenstein L. *Logiko-filosofskij traktat* [Logical and philosophical treatise]. Moscow, Canon, 2017. (In Russ.).
4. Wittgenstein L. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical studies]. Moscow, AST, 2018. (In Russ.).
5. Hesiod. *Polnoe sobranie tekstov* [Complete collection of texts]. Moscow, Labirint, 2001. (In Russ.).
6. Deleuze G. Mishel' Turn'e i mir bez Drugogo [Michel Tournier and the world without the Other]. *M. Turn'e Pyatnica, ili tihookeanskij limb* [Friday, or Pacific limb]. St. Petersburg, 1999. (In Russ.).
7. Stolyarova V.V. Prostranstvennye predlogi i narechiya v russkom yazyke: semanticheskie razlichiya [Spatial prepositions and adverbs in Russian: semantic differences]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 2015, no. 1, pp. 208—218. (In Russ.).
8. Fuller S. Priroda kak artefakt — i chto znachit byt' chelovecheskim sushchestvom [Nature as an artifact - and what it means to be a human being]. *Ontologii artefaktov: vzaimodejstvie «estestvennyh» i «iskusstvennyh» komponentov zhiznennogo mira* [Ontologies of artifacts: the interaction of «natural» and «artificial» components of the life world]. Moscow, Delo, 2012. Pp. 80—90. (In Russ.).
9. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. Moscow, Akademicheskij proekt, 2011. (In Russ.).
10. Heidegger M. *Vremya i bytie* [Time and being]. Moscow, Respublika, 1993. (In Russ.).
11. Miller, P. *I'm still here: back online after a year without the internet*. Available at: <https://www.theverge.com/2013/5/1/4279674/im-still-here-back-online-after-a-year-without-the-internet>.